

ВОСКРЕСШАЯ ДУША

I

Минька Гусар

В грязной чайной вблизи огородов и пустырей за Обводным каналом хрипел граммофон. Его никто не слушал. Было слишком рано, только начинались сумерки морозного ноябрьского дня. Обычные посетители этой трущобы — мусорщики, поденные рабочие, босяки и вообще всякий люд неопределенных и темных профессий — еще отсутствовали. Пользуясь безлюдьем, за прилавком похрапывал буфетчик. В дальнем углу прикорнул на стуле его единственный слуга, парень крепкого сложения. Хрипенье граммофона было привычно для них и не мешало спать. Керосиновая лампа коптила и чадила, но и противный запах не будил спавших.

Однако их сон все-таки был чуток. Едва слышное бряцанье колокольчика на наружной входной двери вмиг пробудило обоих. Буфетчик уставился суровым взглядом на дверь. Слуга вскочил со стула. В этот момент внутренняя входная дверь распахнулась, в чайную ворвались с улицы клубы морозного воздуха, и в них обрисовалась человеческая фигура.

При взгляде на вошедшего суровое выражение сбежало с лица буфетчика.

Посетитель был маленького роста, подвижный старичок с мелкими чертами лица, крючковатым носом и гладко выбритым подбородком, его глаза были прикрыты очками в металлической оправе. Одет он был небогато, но чисто: в теплое пальто с барашковым воротником и такого же меха островерхую шапку. Старичок вошел в чайную с видом завсегдатая, уверенного в хорошем приеме.

— Огня-то в лампе, Дмитрий, убавь! — закричал он еще с порога. — Ишь, как коптит! Эх, креста на вас нет: не бережете хозяйского добра. — Затем, обращаясь к буфетчику, добавил: — Сергею Федоровичу почет!

Буфетчик был уже около гостя и с заискивающей улыбкою лепетал:

— Евгению Николаевичу... Сколько лет, сколько зим! Разоблачайтесь. Позвольте, помогу...

— Ничего, ничего, я сам, — запротестовал гость, впрочем, не особенно уклоняясь от любезных услуг буфетчика. — Мало привычен я к деликатностям-то... А вот насчет лет и зим, так это вы как будто того...

— Как же-с, помилуйте! — заегозил буфетчик. — Вы у нас, можно сказать, редчайший гость...

— Ну, уж и редчайший... Так, по знакомству, бываю... — Евгений Николаевич говорил и в-то же время протирал стекла своих очков. — Ты бы, Сергей Федорович, машине-то своей пасть заткнул. Беда от этих граммофонов: гудят, и слова из-за них сказать нельзя.

Это было сказано спокойно, даже шутливо, но Сергей Федорович бросился к граммофону. Евгений Николаевич между тем надел очки, достал из кармана сюртука платок, отер им лицо и направился к столику у окна.

Дойдя до столика, он сел на стоявший около него стул.

— Чайку? — подлетел к нему Дмитрий.

— Можно. Собери ка. Сергей Федорович, а, Сергей Федорович!

Буфетчик, уже справившийся с граммофоном, очутился около гостя.

— Что прикажете, Евгений Николаевич?

— Да вот садись-ка, прежде всего. Одни мы?

— Одни с, Евгений Николаевич.

— А повар?

— Что же повар? Он — свой. Да и нет его в настоящую секунду.

- И прекрасно! Ну, что скажете хорошенького?
- Относительно чего, Евгений Николаевич?
- Ну вот, непонятливый! О чем же нам говорить то?

О заказе спрашиваю...

В это время Дмитрий подлетел с подносом, на котором громыхали чайник и чашки.

— Скатерку, скатерку, Дмитрий, да почище! — засутился Сергей Федорович. — Так вы, Евгений Николаевич, относительно заказа? Исполнено-с!

Лицо старика оживилось при этом сообщении.

— Да ну? — воскликнул он. — Нашли?

— Как же иначе? Сказано — сделано: у нас все так.

— Где же он?

— Раненько пожаловали, Евгений Николаевич, — произнес буфетчик, усмехаясь. — Сами знаете, кто же из них в эту пору у нас бывает? Теперь все в разброде: кто где... Обождать придется.

— Ну что же, подожду. Так вы уверены, что это тот самый, который мне нужен?

— Еще бы! Уж я свое дело знаю... Все сходится, как вы указали. Да вот что: разве попытать счастья. Дмитрий! Сбегай-ка на огород Кобранова, туда сегодня народ сбивали парники рогожами покрывать, спроси Миньку Гусара. Ежели там — тащи сюда, скажи, я требую...

Схватив шапку и обернув горло какой-то тряпкой, Дмитрий выскочил за дверь.

Сергей Федорович и гость остались одни. Несколько секунд они молчали, меряя друг друга взглядами.

— Смею спросить, Евгений Николаевич, — заговорил первым буфетчик, — на что это вам так Минька Гусар зандобился? Пропаций ведь он совсем: никакого толка. Из отпетых отпетый.

— Вот его судьба теперь и выходит: хочу человека осчастливить.

— Та-ак... — протянул с заметным недоверием Сергей Федорович. — Только вряд ли что выйдет. Даром хлопотать будете... Позвольте налить чайку?

— Пожалуйста. А почему вы думаете, добрейший, что даром?..

— Докладывал я вам: человек отпетый. У него даже образа и подобия человеческого нет... Сущая грязь он — вот что. Никаких стараний не стоит.

Сергей Федорович, видимо, ожидал, что его сообщение произведет впечатление на собеседника, но тот сперва нахмурился, а потом вдруг засмеялся и воскликнул:

— Вот, добрейший, нам это самое и нужно!

— То есть что же? — не понял буфетчик.

— Да вот-то, что образа и подобия человеческого у этого вашего — ну, как его? — Миньки Гусара нет.

Тон Евгения Николаевича был игривый, Сергей Федорович хотел что-то сказать в ответ, но в это мгновение в чайную ворвался Дмитрий, крича:

— Идет! Минька Гусар идет! Нашел я его... на кобрановских огородах.

Евгений Николаевич при этом окрике вздрогнул.

— Трезвый Минька то? — спросил у Дмитрия буфетчик.

— Не-то чтоб первой трезвости, но как следует... Он, Сергей Федорович, спрашивал, какая в нем у вас надобность, я не сказал ничего. Требуют, да и все!

— Молодец! — похвалил его буфетчик и, обращаясь к гостю, сказал: — Если побеседовать думаете, так у меня, Евгений Николаевич, для этого каморочка найдется... как бы вроде отдельного кабинета.

— Прекрасно! — ответил гость. — А что, Митя, Гусар-то ваш, как по внешности? Хорош?

— Картина — да и все! — кинул Дмитрий, захохотав. — Хоть сейчас на выставку, ежели кого напугать нужно.

— Да я не про то... Как он? Очень оборван?

— Не только оборван — общипан весь!

— Ну, вот вот, я про это и спрашиваю. А что, Сергей Федорович, одежонки какой-нибудь для этого человека у вас не найдется?

— Одежонки? Так разве вы его с собой взять хотите?

— Именно взять.

— Не советую-с, хоть и не мое это дело, — проговорил буфетчик, отставляя в сторону стул. — С таким, можно сказать, субъектом в одной комнате быть противно, а не только что с собой его брать... а насчет одежонки, ежели вы, Евгений Николаевич, приказываете, похлопочу... Найдется для вас.

Евгений Николаевич раза два сердито сдвинул брови, но потом воскликнул:

— Вот и прекрасно, если найдется! Поторопитесь же, достойнейший. Знаете, это ничего, если ваш костюм не по последней моде будет, только бы мне вашего Гусара с собой вывезти... А за мной ваши хлопоты не пропадут...

— Знаю-с, — успокоил его Сергей Федорович. — Так я пойду, поищу... Да позвольте! — вдруг воскликнул он, взглядывая в полузамерзшее окно. — Вот и Гусар собственной персоной...

Действительно, двери с шумом распахнулись, и в чайную ворвался не человек, а, скорее, человеческая фигура, закутанная в невообразимой пестроты лохмотья. Последние были запорошены снегом, кое-где на них висели примерзшие ледяные сосульки. Голова фигуры была покрыта изорванным женским платком, подвязанным концами под подбородком. Сверху из-под платка выбивалась копна густых, черных, слипшихся и смерзшихся волос, а снизу во все стороны торчала густая, всклокоченная борода.

— Минька Гусар, полюбуйтесь, ежели не противно! — ироническим тоном провозгласил Сергей Федорович, укаывая гостю на ворвавшегося босняка.

II

Последняя ценность

Ядовитое презрение, сквозившее в словах буфетчика, не обидело, а, наоборот, развеселило Миньку Гусара. Он захохотал и стал выкрикивать отвратительно гнусавым голосом, обращаясь-то к буфетчику,-то к Дмитрию:

— Верно, любезнейший, верно! Любуйтесь, кому не противно. Вот я как есть, во всей моей неподражаемой красе. Монстр! Уника! Фурор! Этуаль особого рода! Перл мироздания и в-то же время последняя степень человеческого падения. Что, милостивый государь, как вы находите? Хорош? — вдруг обратился он к Евгению Николаевичу.

Тот не спускал с него пристального взгляда. Минька, очутившись в теплом помещении, согрелся и успел развязать и сбросить платок, закутывавший его голову. Теперь можно было разглядеть его лицо. Оно было моложавое, со следами былой красоты. Волосы на голове слиплись, перепутались и лежали копной, свисая редкими жесткими космами к плечам, а на щеках переходя в густую бороду. Лицо, опухшее, отекшее, с багровым цветом кожи, резко выделялось на фоне волос. Под глазами темнели синяки, на правой щеке виднелась еще свежая царапина. Тело Миньки было завернуто в лохмотья, державшиеся на нем только потому, что он ухитрился обвязать их через плечи и вокруг туловища бечевками и мочалом. На одной ноге была стоптанная, рваная галоша, на другой лапоть.

— Хорош? — переспросил Минька, не дождавшись ответа Евгения Николаевича.

— Уж что и говорить, — картина, да и все тут, — вставил свое замечание Сергей Федорович, — свой брат Исакий босяк и то брезгает.

— Совершенно справедливо, любезнейший, но зато в этом моя сила и гордость. Понимаете ли вы, какая гордость? Гордость падения! Ты кто? — вдруг подскочил

Минька к буфетчику. — Ты — человек! А я кто? И я — человек! Но ты возвышен, а я унижен. Ты — верхняя ступень, я — подножка самой последней. Ты — красота, я — грязь, нечисть. Смотри же на меня со своей высоты и любуйся на-то, чем ты можешь быть внизу. Но я выше тебя. Я совершенен в своем падении, а ты?..

— Поехал! Не раз мы эти твои представления видели. Надоело. Вот тут тебя по делу спрашивают, — указал буфетчик на Евгения Николаевича.

Минька в одно мгновение очутился около старичка.

— Так это вы, господин хороший, меня, Миньку Гусара, из тьмы кобрановских огородов на тусклый свет сего учреждения призвали?

Евгений Николаевич утвердительно кивнул головой.

— Вы? — тон Миньки ясно выражал его искреннее удивление и недоумение. — Вы? Позвольте же на вас посмотреть? Вы тоже в своем роде единственный! Ушам не верю. Вот не ожидал-то, что моя персона, которой, как вы изволили слышать, свой брат Исаакий брезгует, кому-нибудь на этом свете понадобится!.. Интересно знать, зачем? Впрочем, это праздное любопытство. Приказывайте, весь к вашим услугам, но, конечно, не даром. Вы понимаете, в наш век презренный металл — это все. Итак, чем я могу быть вам полезен?

— Садитесь, — указал ему на стул Евгений Николаевич. — Вот стул, прошу присесть... Мне нужно сказать вам конфиденциально несколько слов. Да что же вы? Садитесь!

Но, несмотря на это настоятельное предложение, Минька продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

— Позвольте, это недоразумение, — лепетал он, беспомощно разводя руками, — мне говорят «вы» и даже просят садиться! Что же это такое? Может быть, я сплю и вижу сон? Ущипните меня, милостивый государь! Нет, не ущипните, а дайте мне хорошенько вот по этому

месту, — указал Минька на затылок, — прошу вас, не стесняйтесь, тогда я проснусь, приду в себя. Но я вижу, что вы изволите хмурить брови! Вы гневаетесь? Пардон-с. Повинуюсь и сажусь. — Он присел на краешек стула, но тотчас же развалился на нем, положив ногу на ногу. — Итак, — сказал он, — насколько я сужу по предисловию, у нас должен быть деловой разговор.

— Да, — подтвердил Евгений Николаевич, — очень серьезный. Одну минуту! Сергей Федорович, похлопачи, о чем я просил!

— Это для него то? — кивнул головой на Миньку буфетчик.

— Вот, вот... Пусть и Митя там с тобой побудет... Нам тут два слова по секрету сказать нужно...

— Понимаю. Пойдем-ка, Митька, поищем.

Евгений Николаевич и Минька остались одни.

— Вы меня пугаете, милостивый государь! — заговорил босяк. — Это ваше появление, эта таинственность, переговоры с глазу на глаз... Тут что-то кроется! Может быть, какой-нибудь криминал? Так предупреждаю заранее, что я на него не пойду! Прошу помнить: я беден, но честен!

— Верю, дорогой мой! — воскликнул Евгений Николаевич. — И можете быть спокойны: дело, которое я к вам имею, ничего криминального не содержит.

— Чего же вы от меня хотите?

— Экий человек! Да ведь сказал я вам, что жажду беседы с вами. Только и всего. Ежели вы насчет костюмчика своего стесняетесь, так не беспокойтесь. Он удобен лишь для пребывания во тьме кобрановских огородов, но я это предусмотрел. В настоящее время Сергей Федорович подыскивает вам что-либо более подходящее для нашего предполагаемого путешествия.

Минька молчал, только его глаза так и бегали по фигуре собеседника, не перестававшего улыбаться.

— Ничего не понимаю, — сказал он, — кому я понадобился? Зачем понадобился? Хоть убей меня, не разберу... Вы видите, что это такое? — указал он на фонарь под глазом и царапину.

— Превосходно вижу: били вас недавно.

— Ага! И как еще били то! Смертным боем! Думал, живым не уйду... И меня часто бьют, бьет всякий, кто находит в этом удовольствие... Я, знаете с, даже не противлюсь. Пусть!.. Так видите, каков я?! И говорю я это к тому, что желаю знать, чего вы от меня хотите? Чего в вашем лице люди от меня хотят? У меня нет ничего, совсем ничего такого, что может иметь какую-нибудь ценность. Нет даже человеческого достоинства... Ничего! Ничего! Скажите, зачем вы пришли за мной? Зачем разыскивали меня?

— Именно, как иголку в стоге сена...

— Зачем? Скажите, без этого я не пойду с вами... Я не боюсь никого и ничего, но хочу знать, зачем иду. Это — мое право, мой каприз. Не я к вам пришел, а вы ко мне, я могу требовать и ставить условия.

— Эге, как вы заговорили-то! — засмеялся Евгений Николаевич. — А еще хвастается: «У меня и человеческого достоинства нет!» Да разве так поступают те, у кого оно отсутствует? Ну, да все равно. Признаю ваши права. Вы ошиблись, уверяя меня, будто у вас ничего нет. Есть кое-что, добрейший, есть! Так, по нынешним временам, пожалуй, и пустячок, да вот мне этот пустячок и понадобился. Я пришел за ним, и беседа наша об этом пустячке будет, и куплю я его, ежели мы с вами сторгуемся, а если не сторгуемся, ну что поделывать? Разойдемся — вот и все... Итак, в пустячке дело!

— О чем вы говорите? — забормотал ничего не понимавший Минька. — Что есть у меня ценного?

— Что? А вот, милостивый государь мой, что, — и, перегнувшись через стол, Евгений Николаевич глухим шепотом бросил прямо в лицо Миньке: — Ваше имя!

Сказав это, он спокойно сел, наблюдая за реакцией собеседника. Минька сидел с побледневшим лицом, беспомощно опустив руки.

— Водки бы! — жалобно прохрипел он.

— Водочки? Можно! Только уж не здесь, а там, где наша приятная беседа продолжаться будет.

— Нет, теперь, сейчас! Жжет меня! Я с ума схожу!

— Охотно верю. Так тем более надо немедленно идти со мной... Сергей Федорович! — крикнул Евгений Николаевич, подойдя к двери за прилавком, куда ушел с Дмитрием буфетчик. — Готово там у тебя?

— Все готово, как по мерке подобрал, — раздалось из за двери. — Пусть идет.

— Слышите? — обернулся к Миньке старик. — Идете? Если идете, так идите... Чего валандаться-то в самом деле? Ну!

Теперь Евгений Николаевич говорил уже грубо.

— Да, вы правы, — поднялся со своего стула Минька. — Я похвастал, что у меня потеряно все... Вы правы. Пожалуй, кое-что и осталось. Так все равно: пусть ничего не будет! Иду. Одевайте меня, ведите куда хотите. Пропaday последнее! Куда идти? Сюда?

— Вот и хорошо! — потирая руки, воскликнул Евгений Николаевич. — Пойдемте, сейчас мы вас преобразим, и станете вы таким красавцем, что хоть под венец...

Минька смерил его с ног до головы презрительным взглядом и молча прошел в каморку.

Несколько минут чайная оставалась пустой. Потом из каморки вышли Сергей Федорович и Дмитрий. Первый презрительно усмехался, Дмитрий казался растерянным.

— Что же это, Сергей Федорович, — бормотал он, — нас как будто прогнали?

— Слышал? Сам с сокровищем захотел возиться! — усмехнулся буфетчик. — Неспроста это! Козодоев не такой человек, чтобы без выгоды что-нибудь делать. Ох,

неспроста! Только, Митька, помни: наше дело — сторона. Обо всем молчок! В нашем положении Евгений Николаевич — сила!

III Босяк граф

Прошло несколько минут.

— Ну, каков? — вдруг раздался возглас Евгения Николаевича.

Козодоев прошел из каморки на середину чайной и обернулся, любуясь вышедшим за ним Минькой.

В самом деле, босяк переменялся до неузнаваемости. На нем было надето довольно чистое пальто. Копна волос подобралась и укрылась под шапкой, борода и усы были приведены в порядок. Но изменила Миньку не одежда, в нем самом произошла заметная перемена. Он глядел гордо, даже высокомерно, от прежней забитости и беспомощности не осталось и следа.

— Ай да Минька! — воскликнул Сергей Федорович. — Да тебя ли я вижу?.. Евгений Николаевич, да вы — сущий маг и волшебник!

— Не будем терять времени, — обратился старик к Миньке, — пойдем! Дай-ка, Митя, мне мое пальтишко... Федорыч, сосчитаемся потом... Я еще забегу.

— Не извольте беспокоиться, Евгений Николаевич! Ну, Минька! Не ожидал! — Сергей Федорович даже прошел вперед и сам распахнул дверь перед уходившими Козодоевым и Минькой. — И дивные же дела! — воскликнул он. — Если бы своими глазами не видел, ни за что не поверил бы!.. Ты это, повар, откуда появился?

Вопрос относился к мужику, появившемуся в чайной, пока Сергей Федорович и Дмитрий провожали Козодоева и Миньку.

— Как это откуда? — удивленно произнес он. — Из кухни! Откуда же еще?

— Да ты разве дома был? А я-то сказал, что ты отлучился.

— Где там отлучился? На печке спал. Слышь-ка, Федорыч, ведь это Козодоев сейчас был? Да? И, никак, Минька Гусар с ним?..

— И Минька был... Ты к чему речь-то ведешь?

— А к тому, что кабинет наш от моей кухни всего-навсего перегородкой отделен, так с печки я кое-что слышал. Именно дивные дела! Слышь, твой Козодоев Миньку раза два сиятельством называл, да не в шутку, а всерьез.

— Да ну? — присел от удивления буфетчик. — Не причудилось тебе спросонья?

— Какое там спросонья! Явственно слышал. Они там заговорили, я и проснулся, притих на печке-то и все от слова до слова слышал. Козодоев ему, Миньке то: «Ваше сиятельство», — а Минька дерзит: «Вы, мол, откуда про это дело разнохали?»

— Ну, ну! Что же ему старик-то на это?

— Засмеялся и говорит: «Моя обязанность такая, чтобы все узнавать, вот я про ваше сиятельство все и знаю. А знаю я про вас затем, что хочу малую толику детишкам на молочишко заработать». Потом больше ничего такого не говорили, и старик только переоблачаться Митьку заставлял да торопил все, а затем к вам вышли.

— Сиятельство, сиятельство, — заговорил сам с собой Сергей Федорович, — стало быть, или граф, или князь... Может, так, может, не так. Вернее всего, что так... Эх, маху я дал. Кабы знать да ведать про это «сиятельство», можно было бы к Козодоеву приснаститься... Эх!.. Чего там! Опять, молодцы, говорю, вы про себя держите все это дело. Никому ни гугу! Пусть оно и с «сиятельством» до поры до времени, как в могиле, будет похоронено, а там посмотрим, что будет... Иди-ка, повар, разводи свой куб.

Между тем Козодоев со своим спутником, оставив чайную, первое время шли молча. Так они миновали всю улицу, и вышли на другую, более оживленную. Здесь, на углу, стояла карета. Евгений Николаевич направился к ней.

— Федор, ты? — крикнул он кучеру.

— Я, я, Евгений Николаевич! — раздался голос.

— Замерз, поди? Ничего, скоро отогреешься! Прошу вас, садитесь, — обратился Козодоев к Миньке и раскрыв перед ним дверцу кареты.

— Послушайте, куда вы меня увозите? — прохрипел тот.

— Опять! Экий вы, право! — тихонько засмеялся старик. — Ведь кое-что уже обговорено между нами, а потом во время переодевания вы сами дали мне слово следовать за мной... Да садитесь же!

Он легонько подтолкнул своего спутника. Минька, решившись, вошел в карету, за ним вскочил и Козодоев.

Карета тронулась.

— Я не сомневаюсь, что вы, граф Михаил Андреевич, — начал Козодоев, — удивлены всем, что происходит с вами.

— Послушайте! Молчите об этом... Я сам давно забыл, кто я и что я... Слышите? Ни слова!

— Мы одни, нас никто не слышит.

— Все равно, прежнее давно похоронено... Нет никакого графа! Понимаете, нет прошлого, нет, и я не хочу, чтобы оно было!

— Полно, как это человеку быть без прошлого? Прошлое у каждого из нас есть. Будем откровенны: я пришел не к вам и не за вами, а к вашему титулу...-то есть к вашему прошлому. Мне нужен граф Михаил Андреевич Нейгоф, а вовсе не какой-то никому в мире, даже самому себе, не интересный Минька Гусар.

— Что вам нужно от меня?

— Что мне нужно, это я скажу потом, когда мы приедем туда, куда я вас везу, а везу я вас в свою квартиру. Пока же я вам лучше расскажу кое-что про себя самого. Ведь вы не знаете, кто я?

— Нет, но подозреваю. Вы — какой-нибудь ловец рыбы в мутной воде, если не хуже.

Козодоев расхохотался.

— Благодарю! Одолжили! Спасибо за откровенность! Ничего, я тоже не обидчив и за откровенность отплачу вам откровенностью. Вы, ваше сиятельство, почти угадали, кто я такой. Рад вашей пронизательности. Что поделать? Жизнь вертит нами, как ей угодно. Не мы, как вы говорили, «перлы мироздания», — господа над нею, а она, жизнь, — владычица наша. Вот и выходит, что не так живи, как хочется... Вы это на самом себе изволили испытать. Вряд ли кто желает попасть «из князи да в грязи», а с вами как раз это самое и случилось.

— Не смейте касаться меня! — злобно закричал недавний босьяк. — Еще одно слово — и я выскочу из кареты!

— Не выскочите, граф, так как я вам могу пригодиться.

— На что?

— Мало ли на что. Да прежде всего хотя бы на-то, чтобы выпить водки, которой жаждет в настоящее время все ваше существо. Не правда? Вы, кажется, вздохнули. Эх, ваше сиятельство! Вам тридцать семь лет, из них одиннадцать вы провели среди мизераблей, сиречь отверженцев, а ваша житейская опытность осталась прежней... Первое впечатление, порыв — и вы уже пылаете, пышете огнем, словно вулкан. Да как же можно не знать, на что человек человеку пригодиться может! Если не я вам, так вы мне нужны. Кабы не это, разве стал бы я с вами нянчиться! А что, выпить-то, ваше сиятельство, очень хочется? — Козодоев подтолкнул локтем своего спутника. Тот молчал. — Сейчас мы должны приехать, — посмотрел Евгений Николаевич в стекло. — Знаете что, граф? Ведь

вы на свои кобрановские огороды, пожалуй, не вернетесь. Что скажете?

— А вот что! — крикнул граф и быстрым движением распахнул дверцу со своей стороны.

Однако выскочить ему не удалось. С силой, которую трудно было предположить в тщедушном, старом теле, Козодоев схватил его одной рукой за воротник пальто, а другой обхватил туловище.

Завязалась борьба.

— Пустите, я закричу! — отбивался Нейгоф.

— Не закричишь, ваше сиятельство! Мой ты! Куда тебе уходить? Или забыл, что у меня угощение приготовлено и хмельной влаги вдоволь будет: хочешь — пей, хочешь — обливайся!

Граф босяк бессильно опустил на свое место. Козодоев воспользовался этим и захлопнул отворенную дверцу.

— Измучил ты меня, старина! — сказал он. — Шебарша ты, шебарша! Бежать хотел, когда на место приехали! — И, открыв оконце к кучеру, крикнул: — Федор! Не к подъезду, а во двор!

Экипаж сделал крутой поворот и остановился.

— Вот и приехали, — объявил Евгений Николаевич. — Милости прошу в мою убогую хижину. Выпьем, закусим, побеседуем, а там, если не пожелаете остаться, можете уходить на свои огороды. Пожалуйте, выходите!

С этими словами Козодоев взял графа за руку и с силой дернул к себе. Граф покорно, как пленник, последовал за Евгением Николаевичем.

Как только он вышел, карета отъехала, и Нейгоф увидел, что находится на обширном дворе большого дома. Было темно, и только фонарь у крыльца, перед которым они стояли, разгонял сумрак надвигавшегося вечера.

— Сюда, сюда! — повел графа Козодоев. — Подниматься невысоко, всего на второй этаж, да если бы и на пятый шагать пришлось, все равно вы, ваше сиятельство,

об этом не пожалели бы, так как у меня для вас завидный сюрприз есть. Взгляните — сразу обо всех ваших трущобах позабудете.

IV

Завидный сюрприз

Лестница, по которой поднимались Козодоев и Нейгоф, была чиста и поднималась до второго этажа. Евгений Николаевич нашел нужным объяснить своему спутнику, почему так.

— Особнячок у меня надворный, — проговорил он, останавливаясь у обитой клеенкой двери, — живу не-то в крепости, не-то в монастыре. Нельзя иначе при такой профессии, как моя, — всякие дела случаются.

Он нажал кнопку звонка.

Горничная, отворившая дверь, должно быть, давно привыкла ко всякого рода посетителям. По крайней мере, на ее лице не отразилось ни малейшего удивления при виде опухшей физиономии гостя. Она приняла от него пальто. Под ним оказался просторный пиджак, из-под которого виднелась чистая синяя блуза. На ногах Нейгофа были сапоги. Козодоев осмотрел его и, видимо, остался доволен.

— Пойдемте, граф! — умышленно громко произнес он. — Я проведу вас в кабинет. Вот сюда, следуйте за мною! Маша, осветите нам!

Коридор был длинный и темный. На другом конце виднелась дверь. К ней и повел Козодоев своего гостя.

В кабинете Евгений Николаевич усадил гостя в темный угол, потом зажег лампы и поставил их так, что свет падал на переднюю часть комнаты, оставляя остальное в полумраке. Затем он сел спиною к двери и лицом к Нейгофу. Вообще во всех его хлопотах можно было подметить

приготовление к чему-то такому, что вот-вот должно произойти.

— Итак, дорогой мой гость и несомненный будущий друг, — начал он вкрадчиво, — мы здесь потолкуем с вами по душам.

Позади него раздался шорох. Нейгоф вздрогнул и отодвинулся еще дальше в темноту своего угла. Евгений Николаевич встал и повернулся. На пороге стояла женщина. Она была молода и красива. Темные, пышные волосы оттеняли нежную белизну ее лица с гармоничными чертами. Большие черные глаза лучились, розовые губки были капризно сжаты, что придавало еще больше прелести ее милому личику. Стояла она так, что свет от ламп падал прямо на нее и подчеркивал ее красоту.

— Софья Карловна! — кинулся к ней Козодоев. — Простите! Только что намеревался явиться к вам! — и он, почтительно склонившись, поцеловал протянутую ему руку.

— Это меня нужно бранить, — с чуть заметным акцентом ответила красавица. — Я думала, что вы одни... Я помешала?

— О, нет, нет! Как вы можете говорить? Но я знаю: ведь вы ко мне по делу? Прошу вас в гостиную. Граф, простите, я оставлю вас ненадолго одного!

При слове «граф» красавица прищурила свои лучистые глаза и бросила взгляд в угол, куда забился Нейгоф. Потом она перевела взор на Козодоева.

— В гостиную, в гостиную прошу, — засуетился тот. — Не место царице красоты в убогой келье старого отшельника.

Он подал ей руку и вывел из кабинета, откуда они молча прошли в гостиную.

— Этот? — спросила Софья Карловна, и на ее лице появилось злое выражение.

— Он самый, — кивнул головой Козодоев. — Не нравится?

— Нравится, не нравится — говорить нечего, вопрос решен. Но все-таки я ожидала увидеть что-нибудь более приличное. Фи! Он противен с этими своими синяками.

— Что же ты, Соня, хочешь от босяка? Но ты молодец у меня, твое появление произвело несомненный эффект! Ты сделала-то, что нам нужно, молодец!

— И неужели это — граф? — спросила Софья Карловна.

— Самый настоящий: граф Михаил Андреевич Нейгоф, один из представителей древнейшего аристократического рода.

— Тот, который нам нужен?

— Именно тот!.. Но знаешь что, Соня, прощай! Я вернусь к нему... Не следует упускать первое впечатление.

— Я более сегодня здесь не нужна? — холодно спросила Софья Карловна.

— Не нужна. Иди к себе. Ты, деточка, сегодня вполне достойна награды... Ну, давай, птичка, свой мраморный лобик...

Козодоев притронулся губами ко лбу молодой женщины, а затем поспешил в свой кабинет к Нейгофу.

Софья Карловна некоторое время стояла в задумчивости, потом пришла в себя и так сильно стиснула свои пальцы, что даже послышался хруст.

— Что же, — проговорила она, — пусть, пусть! А все таки ужасно... Да, впрочем, мне-то какое дело?.. Я буду в стороне.

Она встряхнулась, гордо подняла свою красивую головку и вышла из гостиной.

Когда Евгений Николаевич вошел в свой кабинет, -то его слух поразили какие-то странные звуки, доносившиеся из того темного угла, куда забился граф босяк. Последний рыдал.

— Михаил Андреевич, голубчик! — склонился над ним Козодоев. — Что с вами? Что значат эти слезы?.. Поверь-

те, вы видите перед собой искреннего друга... Скажите, откройтесь!

— Всколыхнулось... прошлое все всколыхнулось! — залепетал Нейгоф. — Все воскресло, что я хотел попить в проклятом дне... Зачем вы показали мне эту женщину?

— Да успокойтесь, это случайность! Кто вам показывал ее? Видели, сама без зова зашла!

— Случайность! А эта случайность разбередила все прошлые раны... все, все! Сколько лет я не видал порядочной женщины... И вот внезапно... так близко...

Слезы струились по опухшим щекам графа, царапины стали сочиться кровью. Он вновь был отвратителен и страшен.

Козодоев, казалось, любовался этим видом человеческого унижения. По его губам проскальзывала насмешливая улыбка, но стоило только его странному гостю пошевелиться, как лицо его принимало сочувствующее выражение.

— Стало быть, моя хорошая знакомая и клиентка произвела на вас впечатление? — спросил он. — Стало быть, она понравилась вам?

— Что вы, что вы! Да разве я смею даже помыслить об этом?

— Вот это вы напрасно! В чайной вы что-то замысловатое про свою гордость говорили, а теперь опять принялись унижать себя. Нет, нет, поддержитесь. Вы сейчас сказали, что прошлое воскресло, воскресните и вы сами... Стойте! Вот Маша несет нам закусочку, мы и начнем с того, что утолим голод и жажду по-человечески — за столом, застланным скатертью, с приборами, словом, в чистоте и не в обиде. Ставьте, ставьте, Маша, скорее на стол все, что у нас имеется, — приказал Козодоев вошедшей с подносом горничной. — Расставляйте и уходите, а мы тут пировать будем. Граф, вот ваше место. Покиньте свой угол и вновь

вступите в среду себе подобных. А хороша Софья-то Карловна! На что уж я старик, а и-то нет-нет, да и защитит ретивое. Ну, ваше сиятельство, подходите. За ваше здоровье, чокнемся!

Нейгоф выполз из своего угла, подошел к столу и уже жадно глядел на рюмки с водкой.

Они выпили, повторили и опять выпили.

— Ну, друг мой, — заговорил Козодоев, — теперь, несколько придя в радужное настроение, будем говорить откровенно. Поверьте, я не прочь устроить ваше счастье, если вообще счастье — не звук пустой. Будете говорить и отвечать?

— Спрашивайте, — ответил Нейгоф.

— Очень понравилась вам Софья Карловна?

— К чему такой вопрос?

— Нужен он... нужен и для вас, и для меня. Буду откровенен. Я заметил, что она произвела на вас сильное впечатление. Так? Хотите стать ее мужем?

Козодоев произнес эту фразу и сам испугался того впечатления, которое она произвела. Нейгоф, с красным, перекосившимся от злобы лицом, с трясущимися губами, вскочил из-за стола и, стуча по нему, закричал:

— Да что же это, издевательство, что ли? Так нет! Довольно того, что было! Всему есть конец! Или вы сегодня хотите меня с ума свести? Да выпустите меня отсюда, иначе я стекла разобью и из окна выброшусь!..

Козодоев рассмеялся и сказал:

— К чему такие страсти? Ведь я же говорю совершенно серьезно. Я вас и привез сюда только затем, чтобы предложить руку этой молодой особы. Заметьте, руку, а не сердце. Сердце завоевать — это уже ваше дело. Пока ей нужна ваша рука. Понимаете вы меня, ваше сиятельство: рука,-то есть ваш графский титул. Вот зачем я вас разыскивал и разыскал. Ну, решайте с места в карьер: да или нет?

V

Расчет и порыв

Красавица, которую предложил в супруги графу босяку Козодоев, жила в соседней квартире. Чтобы попасть к себе, Софье Карловне стоило только перейти по площадке парадной лестницы и отворить дверь особым ключом.

— Стасик! Ты? — воскликнула она радостно, очутившись у себя и увидев еще с порога стройного молодого человека, с красивым, но нагловатым лицом. — Как ты здесь?

— Спрашивает еще! Что, у меня своего ключа нет? — засмеялся молодой человек. — Я знал, что сегодня решается твоя судьба, и пришел...

— Да, ты прав... он там... Козодоев привел его... Как он ужасен!

— Кто? Жених, который должен сделать тебя графиней?

— Да, он, — прошептала красавица.

— Скоро же старый аспид провернул дело! Ну, полно! Не горюй! — и с этими словами Стасик нежно привлек к себе Софью Карловну и поцеловал ее.

Красавица не сопротивлялась. Присутствие духа, холдность, которыми владела Софья Карловна при Козодоеве, теперь совершенно оставили ее.

— Стасик, милый мой, — заплакала она, — если бы ты знал, как все это ужасно...

— Что? Твое будущее замужество?

— Да... Евгений Николаевич говорит, что оно необходимо... Я согласилась с ним, дала слово, что выйду замуж за этого отщепенца, но теперь чувствую, что это выше моих сил.

— Откажись тогда!

— Не могу... не смею...

— Это почему же не смеешь? Что ты, раба этого Козодоева? Разве он может принудить тебя?

— Может, может! Ах, Стасик! Ты ведь ничего не знаешь...

— Все знаю, и даже больше, чем ты знаешь. Это говорю тебе я, Станислав Федорович Куделинский. Мы с тобой — старые друзья, и ты мне можешь поверить... Ведь Козодоев — вовсе не такой человек, чтобы заботиться о чужом счастье. Он все делает только для себя. Если он выкопал этого босяка графа и назначил его тебе в мужья, — то вовсе не для того, чтобы увенчать твою голову графской короной. Нет! Тут он продельывает хитросплетенную махинацию, и ты, Соня, для него — лишь средство в достижении цели.

— К чему же ведет он это сватовство?

— К чему? Да вот к чему: этот граф босяк — завидный жених для такой бедной сиротки, как ты, моя птичка. Он — предпоследний представитель, хотя и по боковой линии, богатейшего, некогда рыцарского рода остзейских графов Нейгофов, и — представь себе! — сам ясно не знает этого. Что? Понимаешь, в чем тут суть?

— Смутно, милый...

— Какая ты несообразительная! Семья много лет тому назад отказалась от этого графчика, а он, чтобы выразить свой протест против отвергнувших его родственников, не нашел ничего лучшего, как удариться во все тяжкие. Со ступеньки на ступеньку он быстро опустился на дно, да и застрял там... Чу! Кто-то идет сюда... Не надо, чтобы нас видели так близко друг к другу!

Куделинский отстранился от Софьи Карловны и принял вид ведущего светскую беседу молодого человека.

В гостиную вошла Маша, горничная Козодоева.

— Барышня, — сказала она, кланяясь Станиславу Федоровичу, — меня к вам Евгений Николаевич прислали. Велели сказать, чтобы вы подождали их у себя... Они придут к вам, как только кончат разговор с гостем.

— Чудное что-то такое, что и в толк не возьму! Барин всю смеется, а их гость так и заливается, плачет.

— Вот как? — воскликнул Станислав Федорович. — О чем же это?

— А этого, барин, я уже знать не могу, — чудно только... Да, барышня, Евгений Николаевич велели сказать, чтобы вы не беспокоились, к ним не приходили, они сами к вам пожалуют, меня же до утра отпустили.

— Как это до утра? — спросил Куделинский.

— А так, я накрыла на стол, подала все, что следует, а Евгений Николаевич вышли ко мне, целковый дали и говорят: «Ступай, Марья, гуляй до завтрашнего радостного утра, ты мне не нужна и помешать можешь». Только вот приказали к вам зайти и предупредить.

Глаза Куделинского вдруг блеснули зловещим огнем.

— Ну, идите, Маша, — сказала Софья Карловна, — веселитесь.

— Покорнейше благодарим, — поклонилась Марья. — Только как же вы-то останетесь, барышня, одни?.. Ведь вашу Настю в больницу отправили. Прикажите, я останусь.

— Не нужно, не нужно! Зачем я буду лишать вас нескольких часов свободы? Я какнибудь устроюсь. Идите, не беспокойтесь обо мне.

Марья чуть подумала, потом, что-то сообразив, посмотрела лукавым взглядом на молодых людей, поклонилась и вышла.

Куделинский после ее ухода вскочил и забегал из угла в угол по комнате.

— Что с тобой, Стасик? — тревожно спросила Софья Карловна.

— Так, ничего, Соня... Мысль тут одна... понимаешь: мысль! Если ее осуществить, она всю нашу жизнь по-иному повернет... Соня, ты любишь меня? Веришь мне?

— Что за вопросы, Стася! Разве ты не знаешь сам?

— Знаю, уверен! Давно уже мы не чужие друг другу. Соня, голубка, если ты веришь мне, -то должна исполнить-то, что я скажу тебе сейчас.

— Все, милый, исполню, все. Приказывай.

— Выйди замуж за этого графа.

На лице Софьи Карловны отразились и ужас, и удивление.

— И ты, как он!.. И ты желаешь этого?..

— Да, да! Желаю, прошу, требую... Так нужно, нужно для нашего будущего счастья: твоего и моего. Ведь ты же сказала, что веришь мне. Только мы этого Козодоева отшвырнем с нашей дороги, и будем правы: ведь Козодоев хлопочет о том, чтобы завладеть огромным наследством, которое не может миновать этого босяка графа, и через тебя он завладеет им. Ты будешь графиней Нейгоф, этот твой муж ровно ничего не стоит как человек, стало быть, распорядительницей его богатства будешь ты, а через тебя — Козодоев. Вот он куда метит! Но если приносить такую жертву, так приносить ее для себя, а не ради алчного старикашки. Зачем же будущим богатствам этого босяка графа попадать к Козодоеву? Пусть они попадут к нам! Слушай, Соня... Ты меня любишь, а я — бедняк, нищий, без всякой возможности разбогатеть. Если твоя любовь — не ложь, -то ты принесешь эту жертву ради меня... Что, Соня? Что ты мне скажешь?

— Боюсь, — пролепетала Софья.

— Кого? Этого аспида Козодоева? Положись на меня — я все устрою. Все! Козодоев будет безопасен... Что такое там, за стеной? Ведь это у Козодоева!

До слуха Куделинского и Софьи Карловны из соседней квартиры донеслись приглушенные крики и шум борьбы.

— Да, да! — испугалась Софья Карловна. — Что там такое?

— Пусть их! — злобно засмеялся Куделинский. — Мы здесь — одни, они там — одни... Да чего ты испугалась? Ну вот, все там и стихло... видишь, как скоро. А, право, интересно бы знать, что у них вышло?

А в кабинете Козодоева произошла такая сцена.

Предложение Евгения Николаевича произвело на Нейгофа вовсе не-то впечатление, какого ожидал старик.

— Так вы только за этим и привезли меня сюда? — неестественно спокойно спросил граф, когда Козодоев смолк.

— За этим, за этим. Разве плохо?

— И вы осмелились сделать мне подобное предложение?

— Вот удивительно! Отчего же мне его не сделать? Для вас тут может выйти очень выгодное предприятие.

Нейгоф стоял перед стариком, пронизывая его сверкающими взорами. Он уже не плакал, но был страшен в своем гневе и безобразии.

— Мои предки... — начал он.

— Оставьте эту музыку! — цинично-хладнокровно перебил его Козодоев. — Ваши предки, может быть, какой-нибудь там Рим спасли, а вы-то что такое? Ничтожество из ничтожеств! Грязь смрадная! А тоже... предки...

— Молчать! — загремел Нейгоф. — Не смей говорить о том, что тебе не дано... Да, я — грязь, ничтожество, но кто это «я»? Я — Минька Гусар, с кобрановских огородов, а не граф Нейгоф. За одиннадцать лет ты первый осмелился назвать меня этим именем. А оно стоит так высоко, что я не позволю оскорблять его... Я, Минька Гусар, — весь твой. Бей меня, топчи, унижай как угодно, я все снесу, а графа Нейгофа оставь... Я стал грязью, но не запятнал этого имени, не запятнал и не запятнаю! Я не отдам его неизвестно кому... Не отдам ни за что!..

— А ведь хороша невеста-то? — опять перебил его Козодоев. — Коснись меня такой случай, я о всех предках бы

позабыл... Да и кто же это тебе, ваше сиятельство, сказал, что она недостойна стать твоей супругой?

— Позорное предложение — вот кто!

— Какое там позорное! Садись-ка да опрокинь еще рюмочку.

Нейгоф с презрением посмотрел на Евгения Николаевича.

— Сейчас же выпустите меня! — грозно произнес он.

— Это еще куда? Ан не пущу, — преградил ему дорогу Козодоев, — ежели не лаской, так силой не пущу.

Граф с яростным воплем кинулся на него. Старик смело выдержал напор. Но бешенство удвоило силы Михаила Андреевича. Козодоев отлетел от двери, а граф торжествующе выбежал из кабинета.

VI

Кровавое дело

Маша вернулась домой рано утром. Дом, где жил Козодоев, был старой постройкой особняк с двумя ходами и несколькими свободно размещенными флигелями.

Когда Маша вошла на двор, все в доме еще спали, только ворота конюшенного сарая, находившегося в боковом флигеле, были открыты.

— Федор, а, Федор! — крикнула Маша.

— Чего там? Кто спрашивает? — из конюшни вышел мужик в кожаном переднике, с мочалкой в руках. — Ты, Машутка? Ишь, она с гулянки только идет, а я уже за делом: экипаж мою. Чего тебе?

— Барин не выходил?

— Такую-то рань? Чего ему?

— Не бывало, что ли? Для него, что день, что ночь — все дела какие-то.

— Дел, видно, немало. У него в окнах недавно огонь светился. Видно, что дела. Без дела кто же всю ночь хороводиться будет.

— Как же это я попаду теперь? Поди, заперто, а на морозе ждать совсем неохота.

— Сходи, стукни, может, барин-то не спит. Говорю, огонь только что погас.

— И-то схожу, попытаю счастья.

Марья направилась к крыльцу черного хода и скрылась за дверь. Прошло две три минуты, и по всему двору разнесся отчаянный вопль.

— Машка вопит, чтой-то с нею? — кинулся на крик из своей комнатки Федор.

Девушка уже была на дворе и бессмысленно металась, неистово вопя:

— Убили, убили... барина убили!.. Люди добрые, помогите!.. Убийство!

Крики уже вызвали переполох. Из флигелей выскакивали полуодетые люди, от ворот бежал дежурный дворник.

— Кого убили? — раздались со всех сторон вопросы.

— Барина нашего, Евгения Николаевича! — вопила Марья.

— Козодоева?

— Его, его! Да подите же вы туда кто-нибудь! Может, еще и жив он...

— А говоришь: «убили», — заметил старший дворник, — только народ мутишь! Ежели жив, так не убийство, а покушение... Ну, идем!

— Ой, нет! — взвизгнула Марья. — Не ведите меня туда! Лучше я здесь останусь.

— Врешь! Должна идти, ежели первая на такое дело наткнулась, — подтолкнул девушку к крыльцу старший. — Ребята, вы посторонних и любопытствующих подержите! Чего тоже лезут?.. Антоха! — крикнул он одному из

подручных. — Беги на пост к городовому, сообщи: так, мол, и так — происшествие.

Постанывающая от внезапного потрясения Марья, дворники, Федор и несколько наиболее энергичных любопытных поднялись по лестнице к дверям в козодоевскую квартиру.

— Ой, отпустите меня лучше! — взвизгнула уже на площадке Марья. — Увижу его — чувства лищусь!

— Полно кобениться-то! Отворяй скорее! — прикрикнул на нее старший и вошел в квартиру.

К этому времени рассвело настолько, что все можно было ясно рассмотреть.

На полу, недалеко от входной двери, в луже уже застывшей крови лежала темная масса, напоминавшая человеческую фигуру.

— Н-да, дело, — проговорил старший, обнажая голову. — Какое тут жив.

— Вся голова вдребезги, — проговорил Федор, наклонясь над трупом. — Эка! Каша кашей стала!

— И в самом деле! Вот так поработали! — согласился с ним один из дворников. — Даже лица не признать...

Действительно, голова трупа была вся разможена. Черепная чашка превратилась в осколки, мозг вперемешку со сгустившейся черною кровью покрывали, как маской, всю нижнюю часть лица.

— Царство Небесное! — проговорил старший. — И кто же этакое дело натворить мог?!

— Он, он, проклятуший! — воскликнула Марья. — Гость вчерашний! Барин покойник вчера его с Федькой неведомо откуда привез. Он и убил. Больше некому, как ему, окаянному. Барышня-то, барышня наша, Софья Карловна, ничего, поди, не знает. Спит теперь, голубушка, крепким сном, а тут такая беда стряслась. Пойти побудить ее!

Марья выбежала из квартиры и через двор кинулась к парадному ходу.

— И нам, ребята, здесь оставаться нечего, — объявил старший. — Сейчас полиция явится, выйдем-ка на лесенку. Никто ничего трогать не смей! Ну уж и дело стряслось!.. Федор! Слышал, что Машутка сказала? Ты это какого же убийца к нам в дом привез?

— Я что же, Панкратий Иванович? Мое дело — сторона. Разве я могу в хозяйские дела мешаться?

— То-то «сторона»! Вот посмотрим, с которой стороны тебя к этому делу пришьют? Эх, сколько народа набилось!.. Хоть бы полиция скорей приходила!

Вся лестница была запружена людьми, со двора доносился шум голосов.

— Панкратий Иванович! — крикнул снизу посланный старшим за полицией Антон. — На парадный вас требуют!.. Сам господин помощник туда пришли!

— Иду, иду! — и Панкратий Иванович, расталкивая народ, кинулся к парадному ходу.

— Что у вас тут случилось? Убийство? — встретил его грозным окриком помощник пристава, ожидавший старшего с двумя околоточными и несколькими городовыми. — Простите, сударыня, — с любезным полупоклоном обратился он к стоявшей около него Софье Карловне, за которой видна была дрожавшая Марья. — Евгения Николаевича ухлопали?

— Его, ваше высокоблагородие. Только мы тут ни при чем.

— А это видно будет... Не смотрите за порядком, каналы! Дежурные у ворот спят, вместо того чтобы обывателя оберегать... Дверь открыть!

— Покойник-то около черного хода лежит, ваше высокоблагородие, — пробормотал Панкратий.

— А ведете сюда! Ба-ба-ба! Мефодий Кириллович! Так скоро? — воскликнул полицейский офицер, увидав взбегавшего на площадку старичка. — Никак не ожидал! Право, вы вездесущи!

Софья Карловна вскрикнула, увидав этого старичка. Он был очень похож на Козодоева: такой же низенький, так же гладко выбрит и такой же подвижный. Разница между ними была лишь в том, что Козодоев был худощав, а этот старик имел округлую фигуру, да не носил очков, благодаря чему видны были его умные, пронизательные глаза.

Он слышал, как вскрикнула Софья Карловна, и внимательно поглядел на нее.

— Уж и вездесущ! — воскликнул он, здороваясь с полицейским. — Знаете, облава за Обводным была, так я из любопытства присутствовал. А тут вдруг слышу, по телефону сообщают, ну вот и поспешил. Что тут такое? Убийство?

— Козодоева некоего убили...

— Знал его. Дельный парень! Голова замечательная! Насмерть?

— Кажется, так... Так что же мы стоим? Здесь дверь заперта, с другого хода проникнем. Сударыня, — обратился помощник пристава к Софье Карловне, — вы, конечно, с нами?

— Нет, нет! Увольте меня, — дрожащим голосом ответила та. — Это так ужасно! Я не могу, совсем не могу... Еще вчера вечером я видела его живым, а теперь... — и она залилась слезами.

— Не смею настаивать, — опять полупоклонился полицейский. — Я думаю, что ваше присутствие при первом осмотре не обязательно. Ваше мнение, господин Кобылкин? — обратился он к Мефодию Кирилловичу.

— Конечно, — согласился тот. — Я вижу, молодая особа потрясена...

Софья Карловна уже не просто рыдала, у нее началась истерика. Марья поспешила увести ее в квартиру.

— Это кто же такая будет? — спросил Кобылкин у полицейского. — Родственница, дочь?

— Тут какое-то темное, частное дело, — ответил тот, — не-то родственница, не-то приемщи, не то... — и полицейский офицер что-то прошептал на ухо Мефодию Кирилловичу.

— Ага, понимаю, неопределенные взаимоотношения... а надо признаться, что если последнее, -то у старичка вкус был хороший: очень недурна!

Когда они вошли на черное крыльцо, почтительно расступившаяся перед ними толпа сейчас же сомкнулась.

— Это кто же такой в штатском и бритый? — раздалась вопросы.

— Как кто? Сам Кобылкин!

— Кобылкин! Знаменитый? Да разве он не в отставке?

— Что ж, что в отставке! По старой памяти ни одного такого дела не пропускает. Чуть где-нибудь преступление, он уже тут как тут, его любят, всюду пускают...

Имя Мефодия Кирилловича Кобылкина в самом деле пользовалось популярностью. Это был человек, одаренный проницательностью, наблюдательностью и сообразительностью, так сказать, ищейка по призванию. Не было такого запутанного дела, которого он не раскрыл бы за время своей долгой службы. Не было преступной тайны, в которую он не проник бы. Даже оставив службу, он продолжал заниматься любимым делом и частенько указывал путь к раскрытию преступления там, где его молодые предшественники становились в тупик.

Увидав труп, он не задержался около него, а прошел в комнаты. Там он заглянул во все уголки, простучал все стены и вернулся к помощнику пристава, который составлял уже протокол первоначального дознания.

— Уведомление следователю уже послано, — сообщил ему полицейский, — а вот интересно, что вы, Мефодий Кириллович, обо всем этом думаете?

— А ничего еще, батенька мой, не думаю, — откровенно сознался Кобылкин. — Интересный случай произошел

сегодня при облаве-то нашей. За Обводным каналом на пустырях субъектика задержали в числе прочих. С виду поглядеть — босяк форменный, а оказался титулованной особой: граф Михаил Андреевич Нейгоф, и это его сиятельное происхождение несомненными документами подтверждено.

VII Кто убил?

Рассказ Кобылкина не произвел впечатления на полицейского.

— А, старый знакомый: Минька Гусар с кобрановских огородов! — усмехнулся он. — Как же, как же, прекрасно знаю я этого графчика. Частый он у нас в участке гость. Как за Обводным каналом на пустырях облава — он тут как тут. Только он смиренный; не тронь его графства — воды не замутит, а только вспомни — беда, буянить начнет, его и не держат, а всегда после наставления на путь истинный отпускают на все четыре стороны. Поди, и теперь выпустили?

— Нет, совсем не-то, — произнес Кобылкин.

— Что же? Буянил, что ли?

— Какое! Его в будке на огородах без памяти подобрали. Пришлось в больницу отправить. Жаль, если не выживет! Личность, на мой взгляд, оригинальная.

Больше разговор к графу босяку не возвращался. Прибыли товарищ прокурора и следователь. Начались осмотры, опросы. Первой была допрошена Марья, потом Федор. Они рассказали все, что им было известно о событиях вчерашнего дня. Допросить Софью Карловну, фамилия которой была Шульц, не удалось. Ужасное событие так подействовало на молодую женщину, что она не могла отвечать на следствии, и ее допрос пришлось отложить.

Первые данные выяснили лишь-то, что покойный Козодоев привез к себе какого-то сносно одетого, но со следами побоев на лице человека. Кто он, откуда его взял Евгений Николаевич, осталось неизвестным. Марья показала, что между ее убитым барином и гостем происходил странный разговор: барин смеялся, гость плакал. На этом пока все и останавливалось. Как ушел этот гость, тоже не выяснилось. Удалось доказать лишь одно, что грабежа не было, и убит Козодоев каким-то тяжелым тупым орудием.

Следствие на месте затянулось до вечера. Труп Евгения Николаевича увезли в покойницкую больницы для судебно-медицинского вскрытия. Судебный следователь отправился туда же, пригласив с собой и Мефодия Кирилловича.

— Мы старые знакомые, — сказал он старику, помогая ему сесть в извозчичью пролетку, — и мне интересно ваше мнение.

— Да удобно ли это будет?

— Что такое?

— Да беседа эта самая... Не повлияет ли она на следствие? Я ведь теперь официального значения не имею.

— Ну вот еще! — рассмеялся следователь. — Будем говорить как частные люди и хорошие знакомые, — вот и все. Ну, батенька, не томите! Кто, по вашему, убил?

— Тот, кому нужна эта смерть.

— А кому она была нужна?

— Вот этого я еще не знаю. И не спрашивайте: все равно ответа не будет. Лучше я вот что вам скажу. Знаете ли вы, что за штука — Козодоев?

— Вероятно, какой-нибудь делец... Скорее всего, из темных.

— Из темных-то он из темных, а только перед всеми статьями «Уложения о наказаниях» он был чист, как новорожденный младенец. Уж я-то его хорошо знал! Это был

так называемый «ходатай по чужим делам», только не по судебным — ни за одно судебное дело он никогда не брался. Всяких там зданий, где преступников ждут наказания, а должников — взыскания, он терпеть не мог.

— Может быть, там ему самому пришлось когда-либо щедрое награждение за темные подвиги получать?

— Нет. Я уже сказал, что в отношении всякой уголовщины он чист.

— Так почему же вы его темным дельцом назвали?

— А он, так сказать, сам создал себе профессию. Он вам и наследство разыщет, о котором вы даже не подозреваете, он вам и под вексель деньжонок найдет; он, если вас тяготят цепи Гименея, снять их поможет. Но главное-то его занятие было в том, чтобы не снимать эти цепи, а надевать их, и притом с выгодой для себя.

— Это как же так? Сватовством, что ли, он занимался?

— Именно. Богатой дурочке женишка подставить, а богатому олуху — невесту, чтобы потом с обеих сторон сорвать по солидному кушу, — вот в чем его дело было. Понимаете?

— Да, да, — ответил следователь. — Но что же из всего этого выходит?

— Только-то, что и тут вся суть в каком-то брачном деле кроется.

— Полно! Ведь клиенты вашего Козодоева должны бы беречь его как зеницу ока. Какое же тут брачное дело, когда его убили? Вы сами себе противоречите.

— Нисколько не противоречу. На такое дело прямо указывает существование при покойном Козодоеве этой Софьи Карловны Шульц. Вот где завязка! Вы эту особу видели? Красавица... писаная красавица! Уверен, она Козодоевым кому-то в невесты предназначалась. Только вот кому?

— А не фантазируете ли вы, Мефодий Кириллович? — засмеялся следователь.

— Не фантазирую, а комбинации строю, и не для вас вовсе, а так, для себя самого, только из одной любви к делу. Комбинации же мои строятся на основании данных. Как увидел я эту красотку, сразу же у меня вопрос появился: «Что она для Козодоева и кто она такая сама по себе?» Навел справочки и узнал, что происхождение этой особы низменное — мещаночка, но все-таки не без некоторого образования. Ей теперь двадцать два года, а у Козодоева она появилась, когда ей всего семнадцать было. Пять лет покойничек сети свои раскидывал. Эту девицу Шульц он, можно сказать, благодетельствовал, как приемную дочь при себе держал. Он ее и нарядил и воспитал, словом, в современный восхитительный вид привел. И вовсе не для себя старался.

— Это-то вы, дорогой друг, откуда знаете? — удивился следователь.

— Умозаключение одно делаю. Изволили вы заметить, что наша молодая особа в другой квартире живет? Нет? А я полюбопытствовал узнать, всегда ли так было. И узнал, что только с месяц тому назад Софья Карловна Шульц отдельное от своего благодетеля помещение заняла. Какой же из этого следует вывод? Да тот, что в ближайшее время должен был предназначенный ей жених появиться, и вдруг катастрофа!

— Послушайте, что вы говорите! — воскликнул следователь. — Ведь не этот же предполагаемый вами жених убил несчастного Козодоева?

— Разумеется, не он, если он только появился, — засмеялся Кобылкин.

— И не Шульц же это сделала?

— Тоже пока не думаю.

— Кто же тогда?

— А вот если бы мы это знали, так и тайны никакой бы не было... Да постойте, мы, кажется, приехали.

Экипаж действительно остановился около ворот длинного больничного здания. Следователя ждали. Ворота

растворились, и экипаж направился к стоявшему в отдалении домику, над крыльцом которого мерцала лампадка перед иконой. Это была больничная покойницкая и прозекторская.

Следователь и Кобылкин хорошо знали сюда дорогу. При входе в прозекторскую их встретил судебный врач. Труп Козодоева лежал уже на операционном столе, и около него суетился фельдшер. У столика в уголке сидел околоточный.

— Работы много, — встретил вошедших врач. — Внешний осмотр я произвел. Посмотрим теперь, что покажет вскрытие, можно приступить?

— Пожалуйста, — ответил следователь и отошел с Кобылкиным.

Врач и фельдшер принялись за дело.

— Знаете что, — задумчиво сказал Кобылкину следователь, раскуривая сигару. — Все наши комбинации очень остроумны...

— Но никуда не годны?

— Нет, не-то, а вот что. Ведь вы ни одним словом не обмолвились о том странном госте, пребывание которого у Козодоева в последний вечер его жизни удостоверено показаниями двух свидетелей. Разве он не мог быть убийцей?

— Все может быть, — развел руками Кобылкин, — пусть он убил...

— Но, я вижу, вы так не думаете.

— Сущую правду изволили сказать, — добродушно согласился Кобылкин, — не думаю. Думал я об этом, а потом перестал думать.

— Стало быть, и на этот счет свои умозаключения вывели?

— Вывел-с. Как же иначе? Этот гость был кто? Свидетельские показания я слушал внимательно и понял из них, что посетитель был простого звания человек. Помните, горничная говорила, что у него фонари под глазами сияли,

а такое освещение на физиономиях интеллигентов редко бывает. Отсюда я делаю вывод, что этот гость покойного Козодоева — простец. Простецы же себе подобных ради чего убивают? Да в девяноста девяти случаях из ста ради того, чтобы воспользоваться достоянием своей жертвы. Отсутствие же всякого намека на грабеж вы удостоверили сами; притом сохранились следы самого мирного времяпрепровождения: водочка, закуска... Сообразив все это, я перестал думать, что он — убийца.

— Я думаю наоборот, можно и не ограбить, преступник может перед преступлением со своей жертвой и водку пить, а в конце концов все-таки убить. Нет, как хотите, а я уверен, что убийца — именно этот исчезнувший гость.

— А я вам сообщу вот что, — Кобылкин приподнялся на цыпочки и, дотянувшись до уха рослого следователя, прошептал: — Убийц было трое. Слышите: не один, не двое, а трое.

VIII

На больничной койке

Бросив свою загадочную фразу, Кобылкин отступил от следователя, и его лицо приняло обычное добродушное выражение.

— Мефодий Кириллович! — бросился к нему следователь. — Что вы сказали? Какие трое? Откуда?

— Не знаю-с... Я ничего не знаю, мое дело здесь стона, — ответил старик.

— Да вы сами сейчас мне сказали...

— По глупости... простите великодушно... сболтнул, что в старую голову пришло.

— Постойте, бросьте увиливать! Ведь вы что-то уже знаете, в чем-то убедились...

— Может быть, так, а может быть, и не так... Вон доктор вас зовет, а я имею честь кланяться...

— Куда же вы? А вскрытие?

— Зачем мне ждать его конца? Доктор, оревуар! Хотел бы пожать вашу руку, но она в крови ближнего, посему оставляю это до следующего раза...

Кобылкин выскочил из прозекторской, но на пороге остановился и громко продекламировал:

Даль туманная видна.

Трое, трое и одна.

— Странный старик! — произнес вслед ему доктор. — Мне пришлось начинать свою деятельность при нем. Он огорошивал своими выходками. Бывало, не знаешь, что и подумать о нем... Гаер какой-то!

— А между тем под этим шутовством скрываются величайший ум и тончайшая наблюдательность, — задумчиво ответил следователь. — Вот и теперь... такую, батенька, этот сфинкс загадку загадал, что никакому Эдипу не разгадать. Но будем продолжать наше дело.

Между тем Мефодий Кириллович перебежал через усаженный деревьями дворик и поднялся в приемный покой больницы, где была также комната дежурных врачей.

Дежурных было двое, и они встретили Кобылкина как старого знакомого.

— Справочку, родименькие, сведеньице! — тараторил Мефодий Кириллович, здороваясь с ними.

— О ком прикажете, наш доморощенный и притом квадратный Лекок? — засмеялся один из врачей.

— Спасибо за честь, а справочку-то дайте... Тут к вам некий граф Нейгоф поступил.

— Верно, поступил. Это вот у Анфима Гавриловича, — указал врач на товарища. — Коллега, что вы определили?

Тот произнес латинское название болезни и прибавил только одно слово:

— Плох!

— Да неужто? — опечалился Кобылкин. — Выживет? Умрет?

— Кто его знает! Истощен крайне...

— А взглянуть на него можно?

— Не знаю, Барановского спрашивайте, — указал на Анфима Гавриловича врач-остряк.

— Голубчик, покажите! — закланялся ему Кобылкин. — Уж очень мне этот граф босяк интересен.

— Зачем он вам? — насутился Барановский.

— Черты его графские хочу навек в своей памяти запечатлеть.

— А не для расспросов до допросов? Этого я не позволю: больница — не сыскное. Пойдемте, но если обеспокоите больного, пеняйте на себя, чиниться с вами не буду: выгоню из палаты...

Тон и слова Барановского были грубы, но Мефодий Кириллович не обиделся. Он знал несколько лет этого молодого врача, прозванного товарищами «диким доктором», и ему было известно, что под его суровой и грубой внешностью кроется доброе сердце.

Они вошли в палату.

Длинные ряды коек, занятых больными, тяжкие стоны, хрипенье, запах лекарств, атмосфера, как бы пропитанная страданиями, — все это представляло собой такую картину, что даже Мефодий Кириллович стал серьезным.

— Вот он, — подвел его Барановский к поставленной в стороне койке.

На ней, вытянувшись во весь свой длинный рост, лежал Минька Гусар. Его отвратительно красное лицо было теперь бледно, почти бело, вследствие чего на нем еще резче выделялись потемневшие синяки и багровая царапина на щеке. Копна волос на голове и борода исчезли под ножницами больничного парикмахера. Глаза больного были полуоткрыты и между веками виднелись

неестественно расширившиеся зрачки. Он тихо и надрывно стонал, вздрагивая всем телом.

— Без памяти? — спросил у Барановского Мефодий Кириллович. — Что у него?

— Пока не определилось... Кажется, *huregaemia miningei*... Длительное беспамятство, бред... Завтра его посмотрит старший врач.

Больной заметался на койке, его губы зашевелились, с них стали срывать непонятные слова.

— Бредит, — пояснил Барановский.

Кобылкин склонился над несчастным и стал жадно вслушиваться.

— Бей, бббей Гусара! — услышал он. — Графа нне троннь... Нет граафа... Не-то убббью... Сттарик...

— Послушайте, вы обещали! — попробовал оттолкнуть Кобылкина врач.

— Сейчас, голубчик, сейчас, — умоляюще зашептал тот. — Ради бога, позвольте еще...

— Жжжениться мне... — бредил Нейгоф, — мне на этой кррас... це? Никогда! Пррочь, сттаррик, убббью!

Кобылкин выпрямился и, серьезно взглянув на Барановского, произнес:

— Спасибо. Больше не надо.

— Выведали-таки? — усмехнулся тот.

— Да, все, что мне нужно.

— Так и уходите, если вам здесь больше делать нечего!

— А вы не обидитесь, когда я вас покину? — прежним шутливым тоном спросил Кобылкин.

— Не беспокойтесь обо мне. Я побуду здесь, благо пришел. Видите! — указал Барановский на палату.

Появление врача в неурочный час переполошило больных. Десятки пар глаз умоляюще смотрели на Анфима Гавриловича. Кто был посмелее, шепотом звал его к себе. Сиделки, которых и в помине не было, когда пришли Барановский с Кобылкиным, все очутились на своих местах.

Явилась даже сестра милосердия, с испугом поглядывавшая на сердитого доктора.

Кобылкин вышел из больницы, но на больничном дворе остановился.

— Не может быть, чтоб я ошибся, — заговорил он сам с собой. — Или я от старости чутье потерял? Ведь их было там, у Козодоева, трое — трое мужчин, и еще одна женщина. Тогда что же значит это: «Старик, убью!»? Не понимаю... Уж не был ли Нейгоф в числе этих троих? Да нет! Зачем ему убивать Козодоева? А все таки он у него был, и теперь я знаю, что его Козодоев прочил в женихи этой Шульц... Его! Я не ошибся в том, что Козодоев затеял какую-то авантюру. Но этот Нейгоф! — Мефодий Кириллович снял шапку и по привычке почесал затылок. — А, все равно! — почти во весь голос произнес он. — Надо мной не каплет. Буду ждать и посмотрю, что дальше. Только больше никому ни гугу. А то я, старый пес, раньше времени болтать стал... Впрочем, ничего. Ведь кто был гостем у Козодоева, пока только я один знаю, да и то сейчас узнал. Прекрасно! Буду ждать! — И он поспешил с больничного двора.

Барановский, как только Кобылкин ушел из палаты, еще раз внимательно осмотрел Нейгофа и предупредил сестру милосердия:

— Будьте повнимательнее к этому больному.

— Конечно, — ответила та, — как же может быть иначе? Ведь он — титулованный.

— Он прежде всего — больной, и больной трудный, а до прочего нам дела нет. Возни с ним будет немало.

Барановский оказался прав. Болезнь графа до такой степени обострилась, что несколько дней Михаил Андреевич находился между жизнью и смертью. Наконец сознание понемногу стало возвращаться к нему.

— Сестра, скажите, — однажды спросил Нейгоф, — я давно болен?

— Порядочно, граф. Но вы лучше молчите...

— Нет, еще один вопрос... Я как сквозь сон помню чье-то женское лицо... видение, призрак... Раза два оно было предо мной... я видел его совсем близко. Скажите, что это было? Бред? Галлюцинация?

— Вас навещали, — ответила сестра. — Какая-то молодая дама... Она очень интересовалась вами...

— Но кто, кто? Сестра, скажите!

— Да право же, ваше сиятельство, не знаю... Вот послезавтра будет приемный день, может быть, эта особа явится; а я откуда могу знать, кто она? Она мне не сообщила своего имени. Лежите и не разговаривайте, вы еще очень слабы.

Нейгоф повиновался, но его мучила загадка: «Кто эта женщина? Почему она интересуется мной?.. У меня нет никого, совсем никого... А этот старик? — вспомнил он о Козодоеве. — Бедный! Я, кажется, ударил его».

В томительном ожидании провел Нейгоф время, оставшееся до приемных часов в больнице.

Наконец этот день наступил. Граф волновался еще с утра, прислушивался к бою часов. Он даже занялся своей внешностью и попросил у сиделки зеркало.

Взглянув в него, Нейгоф не узнал себя — так он изменился. Его лицо было чисто: синяки и отеки исчезли, и царапина зажила; исчезла одутловатость.

«Пожалуй, никто теперь во мне не узнает Миньки Гусара с кобрановских огородов», — с горечью подумал Нейгоф, улыбнулся и вздрогнул.

Часы в палате пробили два, и коридоры больницы наполнились шумом, разговором. Это впустили посетителей.

«Придет эта незнакомка или не придет?» — с тоскою думал Нейгоф.

— Ваше сиятельство, к вам! — крикнула ему через всю палату сиделка.

Нейгоф с волнением приподнялся на своей койке, напрямленно глядя в сторону входа.

В дверях палаты стояла Софья Карловна.

IX Западня

Нейгоф откинулся на подушки и отвел взгляд, решив, что эта посетительница пришла не к нему. Однако Софья Карловна направлялась прямо к его койке.

— Слава богу, граф! — заговорила она. — Я с радостью вижу, что вы поправляетесь!

Михаил Андреевич испуганно и в-то же время торжественно смотрел на свою гостью.

— Вы удивлены моим посещением, граф? — улыбнулась она. — Или вы не узнаете меня?

— Узнаю, — прошептал Нейгоф, — у Козодоева...

— Да, да! Впрочем, та встреча была мимолетна... мой покойный отец даже не представил мне вас.

— Покойный! — воскликнул граф. — Разве этот Козодоев умер?

— Увы, да! Вы еще не знаете, какое несчастье постигло меня.

— Вы — дочь Козодоева?

— Да, приемная... Он воспитал меня, дал образование... Какой это был чудный человек, граф! Но не будем говорить о печальных вещах. Вернемся к прежнему. Итак, вы удивлены?..

— Очень! — откровенно сознался Нейгоф.

— И я была бы очень удивлена на вашем месте. Мы незнакомы, видели друг друга всего один раз мельком, и вдруг эти мои посещения... Но на все в нашей жизни есть причины. Простите за откровенность, граф, но тогда вы мне показались очень несчастным, удручен-

ным всякими бедствиями человеком... Я пожалела вас, граф...

— Благодарю, — пробормотал Нейгоф, — я действительно очень несчастлив...

— Я стала думать о вас, граф, и чем больше думала, тем больше мне становилось вас жалко. А потом знаете, что случилось?

Голос Софьи Карловны звучал искренностью. Граф жадно слушал не слова, а именно эти звуки, и напряженно смотрел в лучистые глаза красавицы, боясь, что она замолчит, и он не услышит больше этого чарующего голоса.

— Что же случилось? — тревожно спросил он.

— А-то, что я вас возненавидела.

— Вы! Меня! За что? Я теряюсь в догадках. Пожалели сперва, потом возненавидели, а теперь...

— А теперь я, как видите, незваная, незнакомая, пришла к вам, когда вы стали еще более несчастны, когда вы умирали... Лежите, лежите спокойно! — остановила она Нейгофа, намеревавшегося подняться. — Иначе я уйду, и вы никогда не узнаете, за что я вас возненавидела...

— Нет, нет, не уходите! — запротестовал Нейгоф. — Даже ваше имя я только сейчас припомнил. Ваш отец назвал мне его... Я не думал, что вы — его дочь... Помните — он назвал вас царицей красоты и еще как-то... Как — не могу припомнить, но сохранилось впечатление, что так к близким людям не обращаются; вообще вы тогда не произвели на меня впечатления дочери Козодоева, а скорее его клиентки.

Глаза красавицы на мгновение погасли, губы дрогнули. Она как будто смутилась, но быстро овладела собой и сказала:

— Сейчас я объясню поведение покойного.

— Как странно слышать это: «покойного»! — перебил ее Нейгоф. — Мне кажется, я только вчера видел вашего отца.

— А для меня не странно, а ужасно звучит это слово. Ах, если бы вы знали, какой человек был Евгений Николаевич! Как он был добр ко мне!.. Только это был человек не без странностей. Он все старался возвысить меня перед посторонними и ради этого всячески унижал себя, как будто не хотел, чтобы думали, что я — облагодетельствованная им, бедная, нет, не только бедная — нищая девочка, подобранная им на улице. Он все силы употреблял, чтобы я позабыла свое печальное детство. С вами он не говорил обо мне?

— Говорил, — покраснел Нейгоф.

— И я знаю, о чем он говорил. Он задумал поставить меня, бывшую босоножку, в ряды аристократии и для этого...

Софья Карловна не договорила и потупилась.

— Не вспоминайте! — воскликнул Нейгоф. — Я вижу, вам тяжело...

— Да, — прошептала красавица, — но поверьте, что в ту нашу встречу я еще ничего не знала о замыслах Евгения Николаевича, а когда узнала, — то возненавидела вас...

Заведомую ложь Шульц говорила так правдиво, что у графа не появилось никакого сомнения. Он верил в искренность своей собеседницы и любовался ею.

Всемогущее прошлое вдруг всплыло в его памяти, нахлынуло на графа при виде красивого женского личика, и этот несчастный человек почувствовал, что босяк Минька Гусар уходит далеко-далеко, а его место занимает граф Михаил Андреевич Нейгоф.

— Я понимаю вас, — прошептал он, — я знаю, что был противен...

— Да, не скрою и этого. Но отец рассказал мне, как вы обиделись, когда он предложил вам недостойную сделку... Я тогда почувствовала к вам уважение... Ваш поступок был благороден, в нем отразилась ваша душа — душа рыцаря. Потом, — вздохнула Софья, — произошла трагедия: умер

мой несчастный отец. У меня не было времени думать о вас, я совсем было вас позабыла, но вдруг судьба напомнила мне и о вашем существовании, и о том, что вы несчастны.

— Судьба, вы говорите?! — воскликнул Нейгоф.

— Да, судьба! На похоронах Евгения Николаевича присутствовала полиция. Один из полицейских, наш хороший знакомый, вероятно, чтобы развлечь меня, рассказал о случае с вами, о том, как вас нашли без памяти, как отвезли сюда. Он назвал и ваше имя. Я поняла, что это были вы... Мне опять стало жалко вас. Я не могла противиться голосу сердца и решила вас навестить. Вы были в беспамятстве, но теперь я вижу вас выздоравливающим.

— И больше не придете?! — воскликнул Нейгоф.

— Я думаю, что теперь мои посещения могут быть лишними, — уклончиво ответила красавица.

— Не говорите, умоляю, не говорите так! — прерывисто заговорил граф, привставая с койки. — Вы сказали, что пожалели меня; не лишайте же несчастного вашего сострадания... О, если бы вы только знали, как оно дорого мне! Ваша жалость и сострадание воскрешают меня, воскрешают мой дух, который я сам похоронил... Продлите же свою милость — не покидайте меня теперь, хотя эти дни, пока не окрепнет мое тело... Вы добры, я это вижу! Пусть же ваша доброта подскажет вам, вашему сердцу, что благодеяние должно закончить, что нельзя останавливаться на полпути... милостыни я прошу, милостыни! Подайте же несчастному!

— Тише, граф, — остановила его Софья, — не волнуйтесь, это вам вредно. Вы хотите, чтобы я навещала вас? Да? Хорошо, пусть будет по-вашему... Но только если случится что-либо, пеняйте на себя...

— Что может случиться? Но вы уходите! — испугался Нейгоф, увидав, что Софья поднялась с табурета.

— Я вернусь... Да свиданья, граф, — и она протянула Михаилу Андреевичу руку.

Нейгоф не взял, а схватил ее и, повинувшись непреодолимому порыву, припал к ней с долгим поцелуем.

Софья не отняла руки.

— Ну, будет, будет! Какой вы! — наконец проговорила она. — Смотрите же, поправляйтесь! Я хочу видеть вас бодрым, здоровым... иначе... иначе не ждите меня... До свиданья, — и, вдруг склонившись над Нейгофом, она поцеловала его в лоб.

Голова графа закружилась, свет померк в его глазах.

Он беспомощно откинулся на подушки.

Когда сознание вернулось к нему, Софьи уже не было.

— Ушла! — воскликнул он.

— Поцеловала и ушла, — подтвердил больной, лежавший на соседней койке. — Родственница, что ли, или невеста? — продолжал любопытный сосед.

— Родственница, — ответил граф и потер рукой лоб.

Поцелуй Софьи так и жег его. Кровь кипела, сердце стучало. Сиделка, заметив, что больной волнуется, поспешила вызвать сестру милосердия.

— Что с вами, граф? — тревожно спросила та. — Не позвать ли врача? Вы возбуждены... это вредно для вас... болезнь может возвратиться, и вы...

— И я умру? Нет, сестра, нет, дорогая! Я не умру, от счастья не умирают...

— А вы счастливы? — с любопытством посмотрела на него сестра милосердия.

— Счастлив, счастлив... бесконечно счастлив! — ответил ей Михаил Андреевич и закрыл глаза. — Я теперь жить хочу!

— Тогда поздравляю вас... Доктора, конечно, не нужно: счастье — лучшее лекарство от всех недугов.

Она отошла. Нейгоф продолжал лежать с закрытыми глазами. Образ Софьи не покидал его, а еще не изведенное им чувство любви все разрасталось и разрасталось...

Х

В паутине

Здоровье графа Нейгофа быстро поправлялось. Его молодой организм одолел недуг.

— Совсем вы молодцом становитесь, ваше сиятельство! — подшучивал над ним Анфим Гаврилович. — Вас теперь и не узнаешь... Ой-ой! Подозреваю я, что тут не наша латинская кухня виновата... Тут что-то более могущественное, чем вся ее стряпня, подействовало.

Граф смущался. Он и сам чувствовал, как возвращалась к нему сила, крепчал его организм.

Однако хотя тело выздоравливало, душа страдала. Произошел перелом, столь мощный, что в нем исчезал, бесследно поглощался им весь последний одиннадцатилетний период его жизни. Как прежде глубоко похоронен был в Миньке Гусаре граф Нейгоф, так теперь Минька Гусар растворился в воскресшем вновь для жизни графе Нейгофе.

И все это свершило внезапно вспыхнувшее чувство.

«Что со мной?» — спрашивал иногда сам себя Михаил Андреевич, и какой-то голос, исходивший из сокровеннейших тайников его души, отвечал ему: «Ты любишь!»

Так проходили дни.

Софья появлялась у выздоравливающего Нейгофа в каждый приемный день.

— Поднимайтесь, выздоравливайте скорее, граф! — сказала она однажды Нейгофу.

— Зачем? Я желал бы умереть, — ответил он.

— Умереть? Странное желание! Зачем вам понадобилась смерть?

— Тогда со мной навсегда осталась бы чудная греза, в которой я живу.

— О чем же вы грезите?

— О чем? А разве вы, пришедшая навестить меня, Миньку Гусара с кобрановских огородов, вы, чистая, светлая, радостная, разве это не греза? Разве я смел в последние одиннадцать лет своей жизни мечтать о чем-либо подобном? Никогда, слышите, Софья Карловна, никогда ничего подобного не рисовало мне мое воображение даже тогда, когда оно было раздражено... Я пал так низко, что всякое человеческое участие казалось мне несбыточной мечтой.

— Не будем говорить об этом, — кротко остановила его Софья.

— Как не будем?! — горячо воскликнул граф. — Да разве можно не говорить о том, что теперь составляет сущность моей жизни? Я сам ни за что не поверил бы, если бы кто-нибудь сказал, что для меня возможен возврат к прошлому. И вот это свершается, это свершилось, и виновница этого — вы!

— Я? — как будто удивилась Софья.

— Да, вы! Ваша ласка, ваше участие воскрешают меня. Я со страхом думаю о будущем, тогда как еще недавно для меня не существовало настоящего: ведь я уничтожил и свое настоящее, как уничтожил прошлое и будущее. Теперь они воскресли вместе со мной, и этим я обязан вам.

Софья терпеливо слушала Нейгофа, давая ему возможность высказаться, и, когда он умолк, сказала:

— Знаете, что я вам скажу обо всем этом? Я — простушка и не привыкла скрытничать. Мне кажется, я понимаю вас.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился Нейгоф.